

УДК 39+904

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/86-104

Научная статья

© Л. С. Добровольский

АПОТРОПЕЙЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Статья посвящена актуальной проблеме семантики образов скифского звериного стиля восточноевропейской зоны. Проблематика охватывает вопросы характерных мотивов и специфики приёмов моделирования скифских зооморфных изображений. Объектом исследования служат 39 изображений, оформляющих или украшающих золотые нашивные бляшки из археологических памятников и местонахождений, локализуемых в пределах восточноевропейской зоны. Использована комплексная методика, включающая традиционный иконографический, формально-стилистический и структурно-семиотический методы, а также приёмы общенаучного гипотетико-дедуктивного метода. Новизной в исследовании является анализ моделей зооморфных и монструозных образов в аспекте характерных мотивов, использованных для создания итифаллических изображений в эротических сюжетах и их стилизации в виде животных. Проанализированные изображения «горного козла», «лосекозла» и «хищника» содержат комплексы мотивов, которым присуща смысловая двойственность: они создают образы «реальных» и «монструозных» зверей, и в то же время — итифаллические образы, являясь их стилизацией в образах животных. Художественный приём заключается в имитации реальности и метафорическом сдвиге, в результате чего происходит совмещение «реалистических» и «метафорических» изображений. Доминантой изображений является апотропейческий итифаллийский образ. Результаты систематизации мотивов итифаллических образов и их моделирования будут использованы для сравнительного исследования всех зон скифо-сибирского звериного стиля.

Ключевые слова: апотропейческий образ, итифаллический образ, зооморфный образ, скифский звериный стиль, фаллический символ

Ссылка при цитировании: Добровольский Л. С. Апотропейческие образы восточноевропейского скифского звериного стиля // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 86–104.

¹ Добровольский Любомир Степанович — обучающийся, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилёва (Республика Казахстан, 010008 Астана, ул. Пушкина, 11). Эл. почта: lubomirdobrovolskiy@gmail.com ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>

UDC 39+904

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/86-104

Original article

© *Liubomyr Dobrovolskyi*

APOTROPAIC IMAGES IN THE EASTERN EUROPEAN SCYTHIAN ANIMAL STYLE

The article is devoted to the problem of the semantics of the Scythian animal style images in the Eastern European zone. The issues covered include characteristic motifs and the specifics of modelling techniques for Scythian zoomorphic images. The object of the study consists of 39 images that decorate golden sewn-on plaques from archaeological sites and locations within the Eastern European zone. The methodological complex included the traditional iconographic, formal-stylistic and structural-semiotic methods, and the general scientific hypothetical-deductive method. The study is novel in that it analyses the models of zoomorphic and monstrous images in the aspect of characteristic motifs used to create ithyphallic images in erotic scenes and their stylization in the form of animals. The analyzed images of the “mountain goat”, “moose goat” and “predator” contain complexes of motifs that are characterized by semantic duality: they create images of “real” and “monstrous” animals, and at the same time — ithyphallic images, being their stylization in the images of animals. The artistic technique consists in imitation of reality and a metaphorical shift, resulting in a combination of “realistic” and “metaphorical” images. The dominant image is the apotropaic ithyphallic image. The systematization of motifs of ithyphallic images and their modeling will be used for a comparative study of all zones of the Scythian-Siberian animal style.

Keywords: *apotropaic image, ithyphallic image, phallic symbol, Scythian animal style, zoomorphic image*

Author info: **Dobrovolskyi, Liubomyr S.** — student, L. N. Gumilyov National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail liubomirdobrovolskiy@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>

For citation: Dobrovolskyi, L. S. 2023. Apotropaic Images in the Eastern European Scythian Animal Style. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 2: 86–104.

Введение

Работа посвящена изучению актуальной в современной скифологии проблеме семантики образов скифского звериного стиля восточноевропейской зоны. Скифо-сибирский звериный стиль остаётся «одним из самых интересных и загадочных феноменов древней художественной культуры как в аспекте содержания, так и с точки зрения анализа формы», и рассматривается как «своеобразная проекция истории древних народов Евразии на плоскость изобразительного искусства» (Королькова 2015: 161–162, Королькова 2006).

Версии о происхождении скифской культуры в целом, как и семантики искусства звериного стиля и содержания его образов не дают однозначных ответов и сводят-

ся к оппозиции центральноазиатской (Borovka 1928; Тереножкин 1976; Шер 1998; Курочкин 1992; Ковалёв 1996; Богданов 2006), переднеазиатской (Ростовцев 1925; Артамонов 1961; Погребова, Раевский 1992; Раевский, Куланда, Погребова 2013) и полицентрической гипотез (Грязнов 1978, 1980; Яценко, Раевский 1980; Переводчикова 1994; Канторович 2015).

Проблематика нашего исследования охватывает вопросы характерных мотивов и специфики моделирования скифских зооморфных изображений как стилизованных образов — идеограмм апотропеического смысла.

Выдвигаем *гипотезу* о специфической стилизации апотропеических (гр. *apotropaion* «изображение, отводящее порчу»), в частности фаллических изображений, в виде звериных и монструозных образов, и, следовательно, об апотропеической функции изучаемых артефактов скифской культуры, украшенных или оформленных фаллическими символами¹.

В работе использована *комплексная методика*, включающая традиционный иконографический метод (Borovka 1928; Членова 1962; Ильинская 1965 и др.), формально-стилистический метод (Ростовцев 1925; Артамонов 1973; Шер 1980) и структурно-семиотический метод (Леви-Стросс 1985; Пропп 1996; Шер 1980; Кузьмина 1976; Переводчикова 1994; Антонова, Раевский 2002; Раевский 2006), а также приёмы общенаучного гипотетико-дедуктивного метода при общих системно-функциональном и синхронно-диахроническом подходах к рассмотрению исторических фактов.

Объект исследования составляют тридцать девять зооморфных изображений, в т. ч. двадцать изображений, стилизованных в виде «хищника», семь — в виде «горного козла» и двенадцать — в виде «лосекозла», оформляющих / украшающих золотые нашивные бляшки и происходящих из археологических памятников и местонахождений, локализуемых в пределах восточноевропейской зоны распространения

¹ «Изображение фаллоса в прежнее время повсюду считалось охранителем от всяких злых духов и чар... Индоевропейские и семитические религии, включая и Египет, полны следов Ф. культа. Греко-римский Ф. культ, концентрировавшийся главным образом вокруг Диониса и Афродиты, — культ, заимствованный из семитических религий; под разными именами он господствовал во всей Западной Азии и Египте. Типичнее всего культ этот выразился в Сирии» (Штернберг 1902: 266).

«Во всех странах эллинского, равно как и римского мира употреблялись небольшие Ф. в качестве амулетов, которым приписывалась чудодейственная сила — прогонять дурные влияния и чары. У римлян этот амулет назывался *fascinas* или *fascinum*: его носили в детском возрасте на шее, вешали над входами в дома и комнаты, выставляли в садах и на полях для их охраны. Чудодейственная сила Ф. исходила из того, что обценное изображение привлекало к себе взоры и отводило их от опасного предмета (Плутарх, Пир, V, 7, 3)» (Штернберг 1902: 268).

«*Fascinum* (искусственный фасцинус) есть *baskanion* (оберег против дурного глаза)... Его карикатурно уродливый (*terribilis*) вид вызывает одновременно и смех и испуг. Плутарх говорит, что подобный талисман притягивает дурной взгляд, отвлекая его от самой жертвы. Отсюда невероятно разнообразный арсенал приапических амулетов — непристойного вида брелки, пояса, ожерелья, странные фигурки карликов — из золота, слоновой кости, камня, бронзы, — составляющих большую часть археологических раскопок и богатство наших музеев» (Киньяр 2000: 42).

Baskanion «A charm against the evil eye worn by children in ancient Greece. Shaped like a phallus, it was also used to protect homes, forges, and chariots. Other names for it include probaskanion and fascinum. In Rome it was called a satyrica sigma» (https://www.llewellyn.com/encyclopedia/term_print.php?a_sec=Baskanion).

скифо-сибирского звериного стиля, охватывающей территории степного, лесостепного и северокавказского локальных субвариантов.

В числе других, насчитывающих 2192 оригинальных изображения, украшающих или оформляющих различные артефакты материальной культуры, они были объектом специального исследования образов скифского звериного стиля восточноевропейской зоны, направленного на их классификацию, систематизацию и типологию, то есть с точки зрения структуры образно-сюжетной системы, морфологии и хронологии изображений (Канторович 2015).

Новизна нашего исследования заключается в анализе моделей зооморфных и монструозных образов, декорирующих или оформляющих скифские нашивные бляшки — предметы, априори выполнявшие апотропеическую функцию, — в аспекте характерных мотивов, использованных для создания итифаллических изображений и их стилизации в виде животных.

Основная часть

Как отмечал С. И. Руденко, «ни греческие, ни китайские хроники никаких указаний на культ животных у скифов и у других скотоводческих племён не дают» (Руденко 1953: 336). Однако, согласно «магической концепции», скифский звериный стиль представляет собой «изобразительную систему магического характера» (Ельницкий 1960: 64), основанную на представлении, что обладатель изображения определённых животных (или отдельных частей их тела) обретает присущие этим животным свойства, поэтому сюжеты почти всегда отражают идеал воина (Хазанов, Шкурко 1976: 45); с этой целью в изображении «подчёркивается то, что убивало жертву (лапы, когти, рога, пасти, зубы), и то, что помогало выследить её (глаза, уши, ноздри)» (Яценко 1971: 132).

М. И. Артамонов также отмечал распространение в среде скифов веры в магическую силу амулетов — подвески из зубов и костей животных и птиц, бубенчики, своим звон отпугивающие злых духов, а также изображения животных или их частей входили в состав личного убора в качестве украшений и оберегов (Артамонов 1961: 86). Отсюда предполагается вывод о примитивном характере скифской религии, «только ещё подошедшей к антропоморфизации богов и к созданию небесной иерархии, соответствовали неразвитые формы культа» (Артамонов 1961: 83).

Е. С. Богданов, наблюдая зооморфные образы и их сочетание между собой и с украшенными ими предметами, предполагает формирование набора образов «вследствие определённых ритуально-мифологических представлений, носящих во многом первоначально тотемистическую и магическую окраску» (Богданов 2006: 34). «Именно идея «родственности», имеющая сначала биологическую, затем социально-психологическую функцию, проходит красной нитью в скифо-сибирском анималистическом искусстве и отражается в погребальном обряде-ритуале. ... Именно тотемистическое родство явилось сознательно реализуемым фактором единства кочевых сообществ» (Богданов 2006: 34).

В среде скифов, как заключает М. И. Артамонов, «гораздо большим распространением, а следовательно, и почитанием пользовались не антропоморфные, а зооморфные образы богов, восходящие к тотемным предкам, которые на известном этапе в развитии религиозного мышления превратились в олицетворение стихийных явлений, в образы космического значения» (Артамонов 1961: 83).

Е. Е. Кузьмина также считает, что «звериный стиль — это отражение представления о зооморфных перевоплощениях героизированных предков и богов, персонифицирующих явления природы» (Кузьмина 2002: 27). Д. С. Раевский, однако, отмечает, что «как раз для скифов эта черта прямо не документируется: никаких свидетельств о зооморфных воплощениях скифских богов источники не содержат (о единичном исключении — полиморфном облике мифической прародительницы скифов)» (Раевский 2006: 363).

Е. В. Переводчикова предлагает взглянуть на репертуар образов скифского звериного стиля сквозь призму концепции мирового древа, то есть как на универсальный зоологический код, связывающий верхний (небесный) мир с птицами, средний (принадлежащий людям) — с копытными животными, нижний (подземный) — с рыбами и пресмыкающимися (и хищными зверями, в скифском коде) (Переводчикова 1994: 13).

М. И. Артамонов придерживался мнения, что «звериный пантеон скифской религии много богаче антропоморфного и притом в основной своей части несомненно местного происхождения не только в отношении содержания, но и по форме. Именно в нём нашло своё яркое и самобытное скифское искусство» (Артамонов 1961: 83).

Д. С. Раевский, напротив, рассматривает появление звериного стиля как результат соприкосновения скифов с культурой Передней Азии, богатой на традиции в сфере изобразительного воплощения мифологических образов. Создание «визуальной знаковой системы, способной достаточно наглядно выражать представления о строении иерархически организованного социального космоса и о месте каждого индивида или определённой группы в этом космосе», с этой целью и был заимствован необходимый арсенал образов из репертуара ближневосточных культур (Раевский 2006: 363).

Вывод о религиозно-мифологической семантической базе скифского звериного стиля вытекает из того, что «в основе мифологических позиций изображаемых животных в силу реальности их основных прототипов неизбежно заложены наблюдения мастера над природой (непосредственные или опосредованные заимствованием) и фиксация определённых поз или элементов поз, которые присущи животным в натуре» (Канторович 2015: 52).

«Однако какова была реальная роль животного мира в жизни древних народов и в чём истинное значение зооморфных образов в сознании человека и в его художественном творчестве, — констатирует Е. Ф. Королькова, — мы не знаем» (Королькова 2015: 177).

В вопросе греко-скифских контактов, в частности взаимодействия греческой и скифской художественной традиций в V–IV вв. до н. э. Е. В. Переводчикова акцентирует на важности определения степени воздействия греческих мастеров на скифский звериный стиль, отмечая разную интенсивность влияний в разных категориях вещей. Так, наиболее эллинизированные образцы звериного стиля встречаются на нашивных бляшках и обкладках сосудов, а по материалу изготовления — сильно эллинизированными выглядят именно изделия из золота (Переводчикова 1994: 155–157).

В нашей работе анализ образов «горного козла», «лосекозла» и «хищника», оформляющие / украшающие золотые нашивные бляшки, нацелен на выявление характерных мотивов, с помощью которых создавались своеобразные идеограммы, наполненные апотропеическим смыслом.

Результаты и их обсуждение

I. «Горный козёл» как идеограмма

Семь изображений «горного козла» украшают / оформляют золотые бляшки (памятники 2-й пол. VI — нач. IV вв. до н. э. В создании апотропеических образов, стилизованных в виде «горного козла», использованы два комплекса мотивов в эротических сюжетах, а также комплекс мотивов апотропеического образа монструозного ока.

I.1. Комплекс мотивов для создания итифаллического образа

Мотив выпуклого бедра как часть итифаллического образа (тестикулы): бедро преувеличено, рельефно выделено, имеет полуовальную форму, акцентировано треугольно моделированной (V-образной) тазобедренной выемкой (Рис. 1: 1, 2, 3, 5, 6, 7) / полуовальной впадиной (Рис. 1: 4).

Мотив хвоста как часть итифаллического образа (тестикулы): хвост короткий, опущен вдоль крупа, обозначая на нём рельефную впадину (как стилизация парного органа) (Рис. 1: 1–7).

Мотив выпуклой лопатки как часть итифаллического образа (головка): лопатка преувеличена, рельефно выделена, имеет полуовальную (Рис. 1: 1, 2, 3, 6, 7) / сегментовидную (Рис. 1: 4, 5) форму.

Мотив рёбер как часть итифаллического образа (крайняя плоть): рёбра имитированы за лопаткой косыми рельефными валиками (Рис. 1: 2).

I.2. Комплекс мотивов для создания образа ктеиса

Мотив головы, завершающей дуговидный изгиб шеи и рогов как часть образа ктеиса: голова продолжает линию дуговидно изогнутой шеи и рогов и носовой частью упирается в спину / круп (Рис. 1: 3, 5) / полностью примыкает к спине (Рис. 1: 1, 2, 4, 6, 7).

Мотив дуговидного рога как часть образа ктеиса: рог преувеличен, дуговидной формы, показан с помощью крупного косога рифления, примыкает к шее (Рис. 1: 1, 2, 6, 7) / повторяет очертания шеи, не примыкая к ней (Рис. 1: 3, 4, 5).

Мотив выпуклой дуговидной и акцентированной шеи как часть образа ктеиса: шея выпуклая, дуговидно изогнута назад, призматической формы (Рис. 1: 1, 4, 5), акцентирована линией мускулов (Рис. 1: 1, 2, 3, 4, 6, 7) / кожно-шёрстной складкой (Рис. 1: 1, 2, 3, 6, 7).

Мотив линии мускулов как часть образа ктеиса: линия мускулов на шее передана продольным ребром плоскостей (Рис. 1: 1, 3, 4, 6) / рельефной рифлёной полосой (Рис. 1: 2) / продольными выпуклостями (Рис. 1: 7).

Мотив кожно-шерстной складки как часть образа ктеиса: складка показана рельефным продольным рифлением с обеих сторон шеи, спереди переходящей на туловище и обрамляющей лопатку с тыла (Рис. 1: 3) / вдоль передней части шеи рельефной гладкой линией, переходящей на лопатку и обрамляющей её по всему контуру (Рис. 1: 7) / вдоль задней части шеи рельефной рифлёной линией (Рис. 1: 1, 2, 6).

Мотив смыкающихся конечностей как часть образа ктеиса: передние и задние конечности укорочены, моделированы внахлѣст с нижней частью передней ноги, лежащей на задней.

1.3. Комплекс мотивов для создания образа монструозного ока

В изображениях горного козла отмечаем мотивы увеличенного глаза и овального / овально-подтреугольного уха для создания апотропеического образа монструозного ока.

Апотропеический образ монструозного ока создан мотивом выпуклого преувеличенного глаза: глаз во всех изображениях преувеличен, изображѣн округлой или овальной выпуклостью в рельефной глазнице (Рис. 1: 1, 2, 4, 5, 6, 7) / углублением зеницы в рельефной глазнице (Рис. 1: 3).

В изображениях горного козла также отмечаем дополнительные варианты апотропеического мотива преувеличенного глаза: щека, выполненная в форме выпуклого рельефного глаза округлой формы (Рис. 1: 6), и ухо с рельефным краем и впадиной раковины, овально-подтреугольной формы как имитация овального глаза (Рис. 1: 6).

Моделировка изображений. Изображения горного козла, содержащие комплексы мотивов для изображения ктеиса и фаллоса, моделированы в позе лежащего животного с изогнутой на 180 градусов шеей, покоящейся на спине головой (или упирающейся передней частью в спину / круп) и с поджатыми внахлѣст передними и задними ногами. Сюжетом апотропеических изображений является коитус, поскольку комплекс мотивов фаллического образа изображѣн в обрамлении комплекса мотивов образа ктеиса.

II. «Лосекозѣл» как идеограмма

12 изображений «лосекозла» украшают золотые нашивные бляшки (памятники 2-й четверти V — 1-й пол. IV вв. до н. э.). Поскольку морда животного имеет тупую форму с нависающей верхней губой (Рис. 3: 1, 2, 5, 6, 7, 12), то есть лосевидную, и на голове изображѣн рог (наподобие козлиного, но с неестественным изгибом), этот образ трактуется А. Р. Кантровичем как «лосекозѣл» — образ, специфичный для восточноевропейского звериного стиля (Кантрович 2015: 561, 566).

В создании апотропеических образов, стилизованных в виде «лосекозла», использованы два комплекса мотивов в эротических сюжетах, а также комплекс мотивов апотропеического образа монструозного ока.

II.1. Комплекс мотивов для создания итифаллического образа

Мотив выпуклого бедра как часть итифаллического образа (тестикулы): рельефно выделенное преувеличенное бедро имеет овальную (Рис. 2: 1, 2, 7, 8, 9, 10) / полуовальную (Рис. 2: 3, 6) / сегментовидную форму (Рис. 2: 4, 5, 11, 12), акцентировано треугольно моделированной (V-образной) тазобедренной выемкой (Рис. 2: 3, 4, 10, 11, 12) / полуовальной впадиной (Рис. 2: 1, 2, 5, 9).

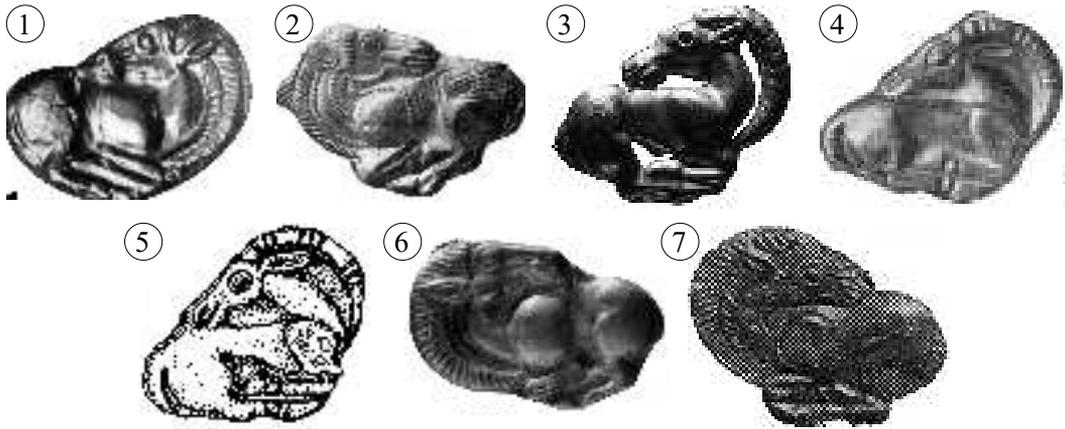

Рис. 1. Скифские золотые бляшки с изображением «горного козла»

1. Бобрица, кург. 35 (по Канторович 2015: 1496, рис. 1). 2. Жаботин, кург. 1 (1897–1898 гг.) (по Канторович 2015: 1496, рис. 3). 3. Ульский кург. 1 (1909 г.) (по Канторович 2015: 1496, рис. 10). 4. Ульский кург. 2 (1909 г.) (по Канторович 2015: 1496, рис. 11). 5. Ульский кург. 1 (2007 г.) (по Канторович 2015: 1496, рис. 12). 6. Коцюбинчики, кург. 1 (по Канторович 2015: 1496, рис. 14). 7. Гладковщина, кург. 449 (по Канторович 2015: 1496, рис. 17).

Fig. 1. Scythian golden plaques depicting a “mountain goat”

1. Bobritsa, barrow 35 (after Kantorovich 2015: 1496, fig. 1). 2. Zhabotin, barrow 1 (1897–1898) (after Kantorovich 2015: 1496, fig. 3). 3. Ulsky barrow 1 (1909) (after Kantorovich 2015: 1496, fig. 10). 4. Ulsky barrow 2 (1909) (after Kantorovich 2015: 1496, fig. 11). 5. Ulsky barrow 1 (2007) (after Kantorovich 2015: 1496, fig. 12). 6. Kotsyubinchiki, barrow 1 (after Kantorovich 2015: 1496, fig. 14). 7. Gladkovshchina, barrow 449 (after Kantorovich 2015: 1496, fig. 17).

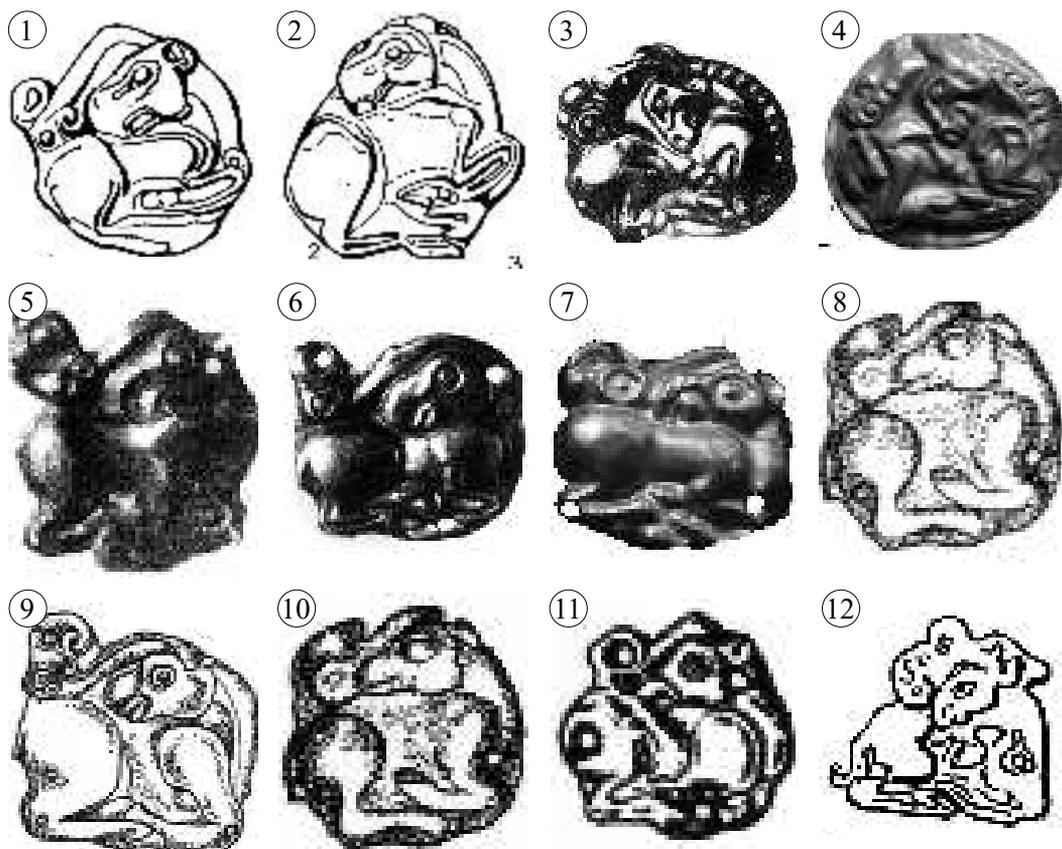
Мотив хвоста как часть итифаллического образа (тестикулы): хвост короткий, опущен вдоль крупа (Рис. 2: 1, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 12), обозначая на нём рельефную впадину (как стилизация парного органа).

Мотив выпуклой лопатки как часть итифаллического образа (головка): лопатка сегментовидная, рельефно выделена выпуклостью (Рис. 2: 5–12) / V-образной впадиной (Рис. 2: 3, 4) / углублением в рельефной окружности (Рис. 2: 4, 12).

II.2. Комплекс мотивов для создания образа ктеиса

Мотив головы, завершающей дуговидный изгиб шеи как часть образа ктеиса: голова продолжает линию дуговидно изогнутой шеи и носовой частью упирается в спину / круп (Рис. 2: 1, 2, 3, 4) / полностью прилегает к спине (Рис. 2: 5–12).

Мотив дуговидного рога как часть образа ктеиса: рог преувеличен, дуговидной формы, показан с помощью крупного косога рифления (Рис. 2: 3, 4) / гладкий (Рис. 2: 1, 5–11), упирается в круп, примыкая (Рис. 2: 5–12) / не примыкая к голове (Рис. 2: 1, 3, 4).

Мотив выпуклой дуговидной и акцентированной шеи как часть образа ктеиса: шея выпуклая, удлинённая, дуговидно изогнута назад, акцентирована линией мускулов (Рис. 2: 1, 2, 9) / кожно-шёрстной складкой (Рис. 2: 3, 4, 11).

Мотив линии мускулов как часть образа ктеиса: линия мускулов на шее передана продольным ребром плоскостей (Рис. 2: 1, 2, 9, 11).

Мотив кожно-шерстной складки как часть образа ктеиса: складка показана рельефной продольной полосой вдоль задней части шеи рельефной рифлёной полосой (Рис. 2: 3, 4).

Мотив смыкающихся конечностей как часть образа ктеиса: передние и задние ноги укорочены, подогнуты с нахлёстом нижней части передней ноги на заднюю (Рис. 2: 1, 2, 5, 6, 8, 10) / моделированы на одной линии (Рис. 2: 3, 4, 7, 9, 11, 12).

Мотив мускулов на нижних частях ног как часть образа ктеиса: мускулы показаны двойными линиями (Рис. 2: 1, 2, 3, 5, 6, 8, 11, 12).

II.3. Комплекс мотивов для создания образа монструозного ока

В изображениях «лосекозла» отмечаем мотивы увеличенного глаза, округлого / подтреугольного уха, окончания рога в виде птичьей головки для создания апотропейческого образа монструозного ока.

Мотив выпуклого преувеличенного глаза: глаз преувеличен, изображён округлой или овальной выпуклостью в углублённой глазнице.

*Рис. 2. Скифские золотые нашивные бляшки
с изображением «лосекозла»*

1. Нимфейский некрополь, кург. 17 (по Канторович 2015: 1545, рис. 1). 2. Нимфейский некрополь, кург. 17 (по Канторович 2015: 1545, рис. 2). 3. Солоха, боковое погр. (по Канторович 2015: 1545, рис. 4а). 4. Корнеевка, кург. 2, погр. 3 (по Канторович 2015: 1545, рис. 5). 5. Малые Семибратние кург. (по Канторович 2015: 1545, рис. 6). 6. Покупка в Майкопе (по Канторович 2015: 1545, рис. 7). 7. Из раскопок В. Л. Беренштамом кург. 19 у станицы Некрасовской (1879 г.) (по Канторович 2015: 1545, рис. 8). 8. Уляпский могильник, кург. 5, ритуальная площадка (по Канторович 2015: 1545, рис. 10). 9. Уляпский могильник, кург. 4, ритуальный комплекс 1 (по Канторович 2015: 1545, рис. 11). 10. Уляпский могильник, кург. 1, ритуальная площадка (по Канторович 2015: 1545, рис. 12). 11. Уляпский могильник, кург. 4, погр. 44 (по Канторович 2015: 1545, рис. 13). 12. Фанагория (по Канторович 2015: 1545, рис. 14).

*Fig. 2. Scythian gold sewn-on plaques
depicting a “moose goat”*

1. Necropolis of Nymphaeum, barrow 17 (after Kantorovich 2015: 1545, fig. 1). 2. Necropolis of Nymphaeum, barrow 17 (after Kantorovich 2015: 1545, fig. 2). 3. Solokha, side burial (after Kantorovich 2015: 1545, fig. 4a). 4. Korneevka, barrow 2, burial 3 (after Kantorovich 2015: 1545, fig. 5). 5. Small Semibratnie barrow (after Kantorovich 2015: 1545, fig. 6). 6. Purchase in Maykop (after Kantorovich 2015: 1545, fig. 7). 7. From the excavations of V. L. Berenshtam barrow 19 near the village of Nekrasovskaya (1879) (after Kantorovich 2015: 1545, fig. 8). 8. Ulyapsky burial ground, barrow 5, ritual site (after Kantorovich 2015: 1545, fig. 10). 9. Ulyapsky burial ground, barrow 4, ritual complex 1 (after Kantorovich 2015: 1545, fig. 11). 10. Ulyapsky burial ground, barrow 1, ritual site (after Kantorovich 2015: 1545, fig. 12). 11. Ulyapsky burial ground, barrow 4, burial 44 (after Kantorovich 2015: 1545, fig. 13). 12. Phanagoria (after Kantorovich 2015: 1545, fig. 14).

В изображениях «лосекозла» использованы дополнительные мотивы апотропеического образа монструозного ока: ухо округлой / подтреугольной формы, окончание рога в виде птичьей головки с загнутым клювом (Рис. 2: 1, 5, 6, 7, 9, 11, 12) и увеличенным глазом (Рис. 2: 1, 3, 5, 6, 7, 8, 10, 12).

Моделировка изображений. Изображения «лосекозла» моделированы в лежащей позе с изогнутой на 180 градусов шеей, с упирающейся передней частью в спину / покоящейся на спине головой, с поджатыми внахлест или соприкасающимися по линии ногами. Апотропеические изображения символизируют сцену коитуса, поскольку комплекс мотивов фаллического образа обрамляется комплексом мотивов образа ктеиса.

III. «Хищник» как идеограмма

Двадцать изображений «хищника» оформляют / украшают золотые бляшки (в основном, нашивные). В создания апотропеических образов, стилизованных в виде кошачьего хищника, использованы три комплекса мотивов в эротических сюжетах, а также комплекс мотивов апотропеического образа монструозного ока и ряд других дополнительных мотивов.

III.1. Комплекс мотивов для создания итифаллического образа

Мотив выпуклого бедра как часть образа фаллоса и тестикул: бедро преувеличено, рельефно выделено, имеет овальную (Рис. 3: 20) / полуовальную (Рис. 3: 1, 5, 6, 7, 11, 12, 13) / сегментовидную форму (Рис. 3: 2, 3, 4, 8, 9, 10, 14, 15, 16, 17, 18, 19), акцентировано полуовалом (Рис. 3: 7) / треугольно моделированной тазобедренной выемкой (Рис. 3: 1, 7, 8, 9, 10, 11) / полуовальной впадиной (Рис. 3: 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19).

Мотив рёбер как изображение крайней плоти: рёбра имитированы за лопаткой косым валиком (Рис. 3: 20), косыми рельефными полосами (Рис. 3: 4) / косыми валиками (Рис. 3: 15, 16).

Мотив головы без гривы как изображение головки: отмечаем в изображениях лежачего или свёрнутого кольцом кошачьего хищника (Рис. 3: 1, 7, 8, 9, 10, 11).

Мотив морды с гипертрофированными бровными складками как изображение головки: бровные складки даны в виде сплошного поперечного валика, отделённого от двух полуовальных ушей и сливающегося с продольным валиком переносицы и носа (Рис. 3: 9).

III.2. Комплекс мотивов для создания образа ктеиса

Мотив акцентированной лопатки как часть образа ктеиса: лопатка преувеличенная, рельефная сегментовидная / полуовальная / овальная гладкая с вписанной в неё «малой лопаткой» (Рис. 3: 12, 13, 18, 20) / контрастирующая с гривой в виде разделки полуовалами (Рис. 3: 6) / контрастирующая с рифлением гривы (Рис. 3: 12, 13, 14, 15) / контрастирующая с рельефной линией кожно-шёрстной складки на шее (Рис. 3: 17, 20) / контрастирующая с «жемчужником» шёрстной складки на шее (Рис. 3: 16) / гладкая в обрамлении рифлёной рамки (Рис. 3: 5) / рифлёная (совмещающая рифление гривы) (Рис. 3: 2, 3) / в виде рельефного валика с овальной впадиной посередине (Рис. 3: 19).

Мотив головы с гривой как часть образа ктеиса: грива показана с помощью крупного рифления (псевдозернью) (Рис. 3: 2, 3, 13), крупного косога рифления (Рис. 3: 4, 14, 15, 16), крупного подковообразного рифления (Рис. 3: 12), рельефной ёлочкой (Рис. 3: 5), разделкой полуовалами (Рис. 3: 6).

Мотив кожно-шерстной складки как часть образа ктеиса: складка показана вдоль нижней части шеи рельефной гладкой линией (Рис. 3: 17) / гладким валиком (Рис. 3: 20) / крупным «жемчужником» (Рис. 3: 3, 13, 15, 16).

III.3. Комплекс мотивов для изображения ягодиц и промежности

Мотив выпуклой лопатки как часть образа ягодиц: лопатка преувеличенная, гладкая, выпуклая / рельефно отделена от туловища, полуовальная (Рис. 3: 1, 10, 11) / сегментовидная (Рис. 3: 4, 7, 8, 9).

Мотив выпуклой шеи как часть образа ягодиц: шея выпуклая овальная (Рис. 3: 8) / сегментовидная (Рис. 3: 9).

Мотив выпуклой щеки как часть образа ягодиц: щека выпуклая округлая (Рис. 3: 10) / овальная (Рис. 3: 1, 11).

Мотив валиков / рифления как часть образа промежности: у хищников, свернувшихся кольцом, образ промежности создан крупными продольными валиками от хвоста до шеи (Рис. 3: 9) / продольным рифлением, имитирующим пальцы передей лапы (Рис. 3: 7) или кожные складки на шее (Рис. 3: 8).

Мотив впадины между лопаткой и щекой как часть образа промежности: у лежачего хищника образ промежности создан впадиной на шее между выпуклыми лопаткой и щекой (Рис. 3: 1, 10, 11).

III.4. Комплекс мотивов для создания образа монструозного ока

В изображениях хищников отмечаем мотивы увеличенного глаза, округлого уха, ноздри, окончаний лап и хвоста для создания апотропеического образа монструозного ока.

Апотропеический образ монструозного ока создан мотивом преувеличенного глаза: глаз во всех изображениях преувеличен, изображён округлой или овальной выпуклостью в углублении (Рис. 3: 2, 3, 4, 5, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20) / округлой впадиной (Рис. 3: 1, 7, 9, 10, 11) / овальной впадиной (Рис. 3: 6, 8).

Также, отмечаем многочисленные варианты апотропеического мотива преувеличенного глаза: выполненные в форме глаза кончик хвоста (Рис. 3: 12), ноздря (Рис. 3: 7), ухо и кончик хвоста (Рис. 3: 1, 11), ухо, ноздря и кончик хвоста (Рис. 3: 8), уши, кончик хвоста и лапы (Рис. 3: 9, 10).

III.5. Дополнительные мотивы

Апотропеический образ фаллоса создаётся анатомическим изображением в обычном месте (Рис. 3: 12) и в виде хвоста, завершающегося змеиной головкой (Рис. 3: 13, 20), или в виде рога / отростка гривы со змеиной головкой на конце (Рис. 3: 12).

Мотив открытой пасти с клыками (Рис. 3: 2, 3, 4, 5, 12, 13, 17, 18, 19) или без клыков (Рис. 3: 6, 14, 15, 16, 20) также является апотропеическим мотивом.

Мотив поднятого хвоста: хвост изображён закинутым наверх на спину и отогнут назад (Рис. 3: 2, 3, 4, 5, 6) / поверх спины с изгибом в форме J (Рис. 3: 2, 3, 4, 5, 6, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19).

Мотив опущенного хвоста: хвост показан опущенным вдоль зада (Рис. 3: 1, 7, 8, 9, 10, 11).

Моделировка изображений. Изображения хищников, содержащие комплексы мотивов для изображения ктеиса и фаллоса (за исключением мотива головы без гривы), моделированы с поджатыми передними ногами, поднятым хвостом и открытой пастью в позе «готовности к нападению» (Рис. 3: 2, 3, 4, 5, 6, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19) или в позе шествующего хищника с угрожающе поднятым хвостом и оскалившейся пастью (Рис. 1: 13, 20), то есть в активных позах. Изображения хищников, содержащие комплексы мотивов для изображения фаллоса, ягодиц и промежности, моделированы с опущенным хвостом и закрытой пастью в лежачей (пассивной) позе (Рис. 3: 1, 7, 8, 9, 10, 11).

Комплекс мотивов фаллического образа обрамляется комплексом мотивов образа ктеиса / ягодиц и, следовательно, апотропеические изображения смоделированы в сцене гетеро / гомосексуального соития.

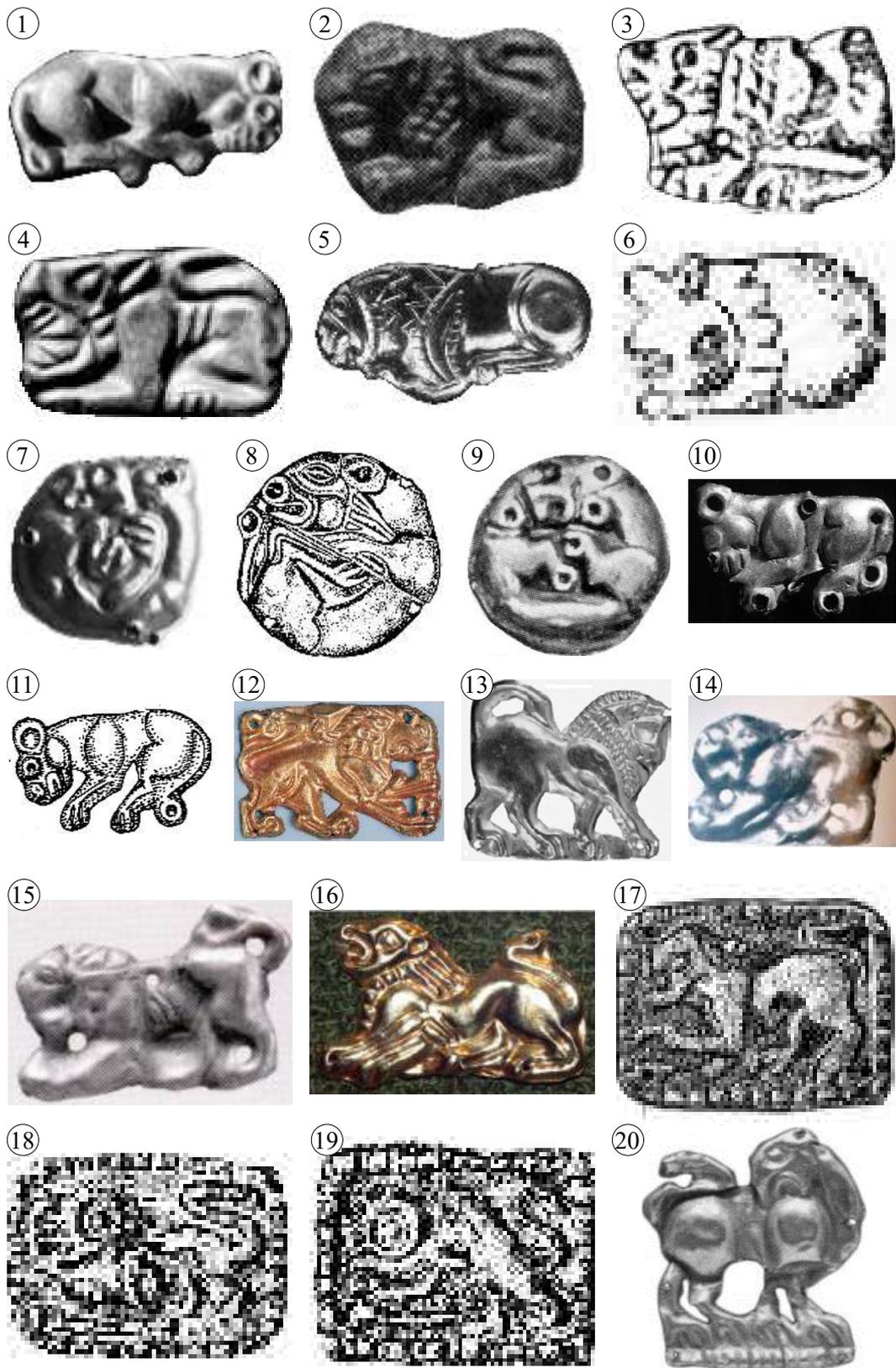

Рис. 3.

Скифские золотые бляшки
с изображением «кошачьего хищника»

1. 1-й Ульский кург. (1909 г.) (по Канторович 2015: 1320, рис. 8). 2. Нимфейский некрополь, кург. 17 (по Канторович 2015: 1325, рис. 1). 3. Курган Малый Чертомлык (по Канторович 2015: 1325, рис. 2). 4. Любимовка, кург. 45 (по Канторович 2015: 1325, рис. 3). 5. Дорт-Оба, кург. 2 (по Канторович 2015: 1325, рис. 4). 6. Аксютинцы-Стайкин верх, кург.3, впускное погр. (по Канторович 2015: 1333, рис. 1). 7. Яблоновка, Каневский уезд (по Канторович 2015: 1334, рис. 19). 8. Старый Мерчик, II кург. (по Канторович 2015: 1341, рис. 2). 9. Ольвия, погр. 15 (по Канторович 2015: 1345, рис. 1). 10. 1-й Ульский кург. (по Канторович 2015: 1358, рис. 4). 11. Новозаведенное-2, кург. 16 (по Канторович 2015: 1358, рис. 5). 12. Солоха, боковое погр. (по Канторович 2015: 1364, рис. 15). 13. Уляпский могильник, кург. 1, ритуальная площадка (Канторович 2015: 1365, рис. 1). 14. Нимфейский некрополь, Ашмолен-музей, гробница IV (по Канторович 2015: 1367, рис. 1). 15. «Майкопский клад» (по Канторович 2015: 1367, рис. 2). 16. Курган у г. Плавни, Одесская обл. (по Канторович 2015: 1367, рис. 3). 17. Толстая могила, Центральная гробница (по Канторович 2015: 1368, рис. 1). 18–19. Гайманова могила, Северная гробница (№ 1), конь 8 (по Канторович 2015: 1368, рис. 2–1, 2–2). 20. «Майкопский клад» и покупка в районе Майкопа (по Канторович 2015: 1375, рис. 1).

Fig. 3.

Scythian gold plaques
depicting a “cat predator”

1. 1st Ulsky barrow (1909) (after Kantorovich 2015: 1320, fig. 8). 2. Necropolis of Nymphaeum, barrow 17 (after Kantorovich 2015: 1325, fig. 1). 3. Barrow Maly Chertomlyk (after Kantorovich 2015: 1325, fig. 2). 4. Lyubimovka, barrow 45 (after Kantorovich 2015: 1325, fig. 3). 5. Dort-Oba, barrow 2 (after Kantorovich 2015: 1325, fig. 4). 6. Aksyutintsy–Staykin top, barrow 3, inlet burial (after Kantorovich 2015: 1333, fig. 1). 7. Yablonovka, Kanevsky district (after Kantorovich 2015: 1334, fig. 19). 8. Old Merchik, II barrow (after Kantorovich 2015: 1341, fig. 2). 9. Olvia, burial 15 (after Kantorovich 2015: 1345, fig. 1). 10. 1st Ulsky barrow (after Kantorovich 2015: 1358, Fig. 4). 11. Novozavedennoe-2, barrow 16 (after Kantorovich 2015: 1358, fig. 5). 12. Solokha, side burial (after Kantorovich 2015: 1364, fig. 15). 13. Ulyapsky burial ground, barrow 1, ritual site (after Kantorovich 2015: 1365, fig. 1). 14. Necropolis of Nymphaeum, Ashmolean Museum, tomb IV (after Kantorovich 2015: 1367, fig. 1). 15. “Maikop Treasure” (after Kantorovich 2015: 1367, fig. 2). 16. Barrow near the city of Plavni, Odessa region (after Kantorovich 2015: 1367, fig. 3). 17. Thick grave, Central tomb (after Kantorovich 2015: 1368, fig. 1). 18–19. Gaimanov’s grave, Northern tomb (No. 1), horse 8 (after Kantorovich 2015: 1368, fig. 2–1, 2–2). 20. “Maikop treasure” and purchase in the Maikop area (after Kantorovich 2015: 1375, fig. 1).

Выводы и перспективы

Проанализированные изображения «горного козла», «лосекозла» и «хищника» содержат комплексы мотивов, которым присуща смысловая двойственность: они создают образы «реальных» / «монструозных» зверей, и в то же время, — итифаллические образы в сюжетах коитуса и являются их стилизацией в образах животных. Таким образом, художественный приём заключается в имитации реальности и метафорическом сдвиге, в результате чего создаётся «визуальная головоломка» — совмещение «реалистических» и «метафорических» изображений. Доминантой изображений является апотропеический итифаллийский образ.

Выявленные художественные мотивы многократно повторяются в стилизованных образах «реальных» / монструозных копытных» и «хищника», подтверждая тезис об устойчивости набора изобразительных элементов и образов животных, воспроизводимых в традиционных, канонических позах с помощью особых приёмов как основной составляющей скифо-сибирского звериного стиля (Богданов 2006: 3). Как отмечает Е. Ф. Королькова, «грань между «реальным» и «фантастическим» животным в искусстве ранних евразийских кочевников по меньшей мере условна, поскольку в любом случае мы имеем дело с идеограммой, и никакого реализма в зверином стиле нет в принципе» (Королькова 2015: 172).

Нашивные бляшки, оформленные в виде стилизованных итифаллических образов или декорированные ими, выполняли апотропеическую функцию, поскольку каждое изображение содержит также апотропеический образ монструозного ока.

Защитная функция подкреплялась дополнительными мотивами — изображением фаллоса у животного (в том числе в виде отростка гривы), оскаленной (зубастой) пасти, изображением хвоста в виде змеиной головки, окончанием рога в виде птичьей головки с загнутым клювом и преувеличенным глазом, округлой / овальной / подтреугольной формой уха, округлой формой ноздри и окончания лап.

Перспективу дальнейших исследований намечаем в изучении других звериных образов, декорирующих или оформляющих нашивные бляшки, предметы конского оголовья, оружие, ритуальные сосуды и др., с целью выявления итифаллических изображений, систематизации характерных мотивов, использованных в создании апотропеических образов, их стилизации в виде животных, а также специфики их моделирования.

Результаты систематизации мотивов итифаллических образов, их моделирования в эротических сюжетах будут использованы для сравнительного исследования семиотики искусства всех зон скифо-сибирского звериного стиля с целью выявления аналогий и параллелей компонентов образной системы материальной культуры «скифского мира» и генезиса их мотивов, моделей и сюжетов, а также образов мировоззренческого порядка.

Выводы послужат дальнейшему изучению обычаев и мировоззрения древних народов, расширят наши знания о гранях их соприкосновения в рамках культурно-исторической общности.

Научная литература

- Антонова Е. В., Раевский Д. С. Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: Изд-во Донецк. нац. ун-та, 2002. С. 11–23.
- Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 2. Скифо-сарматское время, под ред. М. И. Артамонова. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 57–87.
- Артамонов М. И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 278 с.
- Богданов Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. 240 с.
- Грязнов М. П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан. КСИА. 1978. № 154. С. 9–18.
- Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 61 с.
- Ельницкий Л. А. Из истории древнескифских культов // Советская археология. 1960. № 4. С. 46–55.
- Ильинская В. А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // Советская археология. 1965. № 1. С. 86–107.
- Канторович А. Р. Скифский звериный стиль восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Дис. ... докт. историч. наук. Москва, 2015.
- Киньяр П. Секс и страх: Эссе: Пер. с фр. М.: Текст, 2000. 189 с.
- Ковалев А. А. Происхождение скифов согласно данным археологии / отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. Материалы конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. С. 121–126.
- Королькова Е. Ф. Следы невиданных зверей (к проблеме трактовки фантастических образов) // Археологический сборник. 40 выпуск: материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти Л. К. Галаниной посвящается / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 157–188.
- Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
- Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 52–65.
- Кузьмина Е. Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев (культурологические очерки). М.: Российский институт культурологии, 2002. 288 с.
- Курочкин Г. Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). Археологические изыскания. СПб.: 1992. Вып. 7. 94 с.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Вост. лит., 1985. 396 с.
- Переводчикова Е. В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с.
- Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1992. 260 с.
- Протт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1996. 365 с.
- Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 601 с.
- Раевский Д. С., Куланда С. В., Погребова М. Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 274 с.
- Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Тип. 1-й Лен. труд. арт. печати. 1925. 624 с.
- Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. – Л.: АН СССР, 1953. 402 с.

- Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 233 с.
- Хазанов А. М., Шкурко А. И.* Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 40–51.
- Членова Н. Л.* Скифский олень // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. № 115. С. 167–205.
- Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Шер Я. А.* О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы–Москва: «ГЫЛЫМ», 1998. С. 218–230.
- Штернберг Л. Я., Обнорский Н. П.* Фаллический культ // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб.: Семёновская Типолитография, 1902. Т. XXXV (69). С. 266–268.
- Яценко И. В.* Искусство скифских племен Северного Причерноморья // История искусства народов СССР: В 9 т. / ред. Б. В. Веймарн. М.: Изобразительное искусство, 1971–1984. Т. 1. 1971. С. 116–137.
- Яценко И. В., Раевский Д. С.* Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // Народы Азии и Африки. 1980. № 5. С. 102–117.
- Borovka G.* Scythian Art. London: Ernest Benn, 1928. 185 p.

References

- Antonova, E. V. and D. S. Raevskii. 2002. Arkheologiya i semiotika [Archeology and Semiotics]. In *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arkheologii* [Structural-Semiotic Research in Archeology], ed. by A. V. Evglevskii. Donetsk: Izdatel'stvo Donetskogo natsional'nogo universiteta. 11–23.
- Artamonov, M. I. 1961. Antropomorfnye bozhestva v religii skifov [Anthropomorphic Deities in the Religion of the Scythians]. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha 2: Skifo-sarmatskoe vremya* [Archaeological Collection of the State Hermitage 2: Scythian-Sarmatian Time], ed. by M. Artamonov. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 57–87.
- Artamonov, M. I. 1973. *Sokrovishcha sakov* [Treasures of the Saks]. Moscow: Iskusstvo, 278 p.
- Bogdanov, E. S. 2006. *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noi Azii* [The Image of a Predator in the Plastic art of the Nomadic Peoples of Central Asia]. Novosibirsk: Institut arheologii i etnografii SO RAN. 240 p.
- Borovka G. 1928. *Scythian Art*. London: Ernest Benn. 185 p.
- Chlenova, N. L. 1962. Skifskii olen' [Scythian Deer]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* 115: 167–205.
- El'nitskii, L. A. 1960. Iz istorii drvnieskifskikh kul'tov [From the History of Ancient Scythian Cults]. *Sovetskaya arkheologiya* 4: 46–55.
- Gryaznov, M. P. 1978. K voprosu o slozhenii kul'tur skifo-sibirskogo tipa v svyazi s otkrytiem kurgana Arzhan [On Formation of Cultures of the Scythian and Siberian Type in Connection with the Discovery of the Arzhan Kurgan]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* 154: 9–18.
- Gryaznov, M. P. 1980. *Arzhan. Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni* [Arzhan. Royal Barrow of the Early Scythian Time]. Leningrad: Nauka. 61 p.
- Il'inskaya, V. A. 1965. Nekotorye motivy ranneskifskogo zverinogo stilya [Some Motifs of the Early Scythian Animal Style]. *Sovetskaya arkheologiya* 1: 86–107.
- Kantorovich, A. R. 2015. *Skifskii zverinyi stil' vostochnoi Evropy: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya* [Scythian Animal Style of Eastern Europe: Classification, Typology, Chronology, Evolution]. Doct. diss. Moscow State University.
- Khazanov, A. M. and A. I. Shkurko. 1976. Sotsial'nye i religioznye osnovy skifskogo iskusstva [Social and religious foundations of Scythian art]. In *Skifo-sibirskii zverinyi stil' v iskusstve*

- narodov Evrazii* [Scythian and Siberian Animal Style in the Art of the Peoples of Eurasia], ed. by A. I. Meliukova, M. G. Moshkova. Moscow. 40–51.
- Korol'kova, E. F. 2015. Sledy nevidannykh zveri (k probleme traktovki fantasticheskikh obrazov) [Traces of Unseen Animals (To the Problem of Interpretation of Fantastic Images)]. In *Arkheologicheskii sbornik* 40: Materialy i issledovaniya po arkheologii Evrazii. Pamyati L. K. Galaninnoi posvyashchaetsya. Gosudarstvennyi Ermitazh [Archaeological Collection. Issue 40: Materials and Research on the Archeology of Eurasia. In Memoriam of L. K. Galanina. State Hermitage Museum]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 157–188.
- Korol'kova, E.F. 2006. *Zverinyi stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n. e.)* [Animal Style of Eurasia. The Art of the Tribes of the Lower Volga and Southern Urals in the Scythian era (7th–4th centuries BC)], ed. by T. B. Senichenkova. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 272 p.
- Kovalev, A. A. 1996. Proiskhozhdenie skifov soglasno dannym arkheologii [The Origin of the Scythians According to Archeology]. In *Mezhdru Aziei i Evropei. Kavkaz v IV–I tys. do n. e. Materialy konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Aleksandrovicha Yessena* [Between Asia and Europe. Caucasus in the 4th–1st Millennium BC. Materials of the Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Alexander Alexandrovich Yessen], ed. by Yu. Yu. Piotrovskii. St. Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh. 121–126.
- Kurochkin, G. N. 1992. Bogatyie kurgany skifskoi znati na yuge Sibiri (Bol'shoi Novoselovskii i Bol'shoi Poltavovskii kurgany) [Rich Burial Mounds of the Scythian Nobility in the South of Siberia (Big Novoselovsky and Big Poltavovskiy Mounds)]. *Arkheologicheskie izyskaniya* 7. St. Petersburg: 94 p.
- Kuz'mina, E. E. 1976. Skifskoe iskusstvo kak otrazhenie mirovozzreniya odnoi iz grupp indoirantsev [Scythian Art as a Reflection of the Worldview of One of the Groups of Indo-Iranians]. In *Skifo-sibirskii zverinyi stil' v iskusstve narodov Evrazii* [Scythian and Siberian Animal Style in the Art of the Peoples of Eurasia], ed. by A. I. Meliukova, M. G. Moshkova. Moscow: Nauka. 52–65.
- Kuz'mina, E. E. 2002. *Mifologiya i iskusstvo skifov i baktriiitsev (kul'turologicheskie ocherki)* [Mythology and Art of the Scythians and Bactrians (Culturological Essays)]. Moscow: Rossiiskii institut kul'turologii. 288 s.
- Lévi-Strauss, C. 1985. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow: Vostochnaya literatura. 396 p.
- Perevodchikova, E. V. 1994. *Yazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziiskikh stepei skifskoi epokhi* [The Language of Animal Images. Essays on the Art of the Eurasian Steppes of the Scythian Era]. Moscow: Vostochnaya literatura. 206 p.
- Pogrebova, M. N. and D. S. Raevskii. 1992. *Rannie skify i drevnii Vostok. K istorii stanovlennya skifskoi kul'tury* [Early Scythians and the Ancient East. To the History of the Formation of the Scythian Culture]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka». 260 p.
- Propp, V. Ya. 1996. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The Historical Roots of a Fairy Tale]. St. Petersburg.: Izdatel'stvo St. Petersburg State University. 365 p.
- Quignard, P. 2000. *Seks i strakh: Esse. Perevod s frantsuzkogo* [Sex and Fear: Essay: Translated from French]. [Sex and fear: Essay. Translated from French]. Moscow: Tekst. 189 p.
- Raevskii, D. S. 2006. *Mir skifskoi kul'tury* [The world of Scythian Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. 601 p.
- Raevskii, D. S., S. V. Kullanda and M. N. Pogrebova. 2013. *Vizual'nyi fol'klor. Poetika skifskogo zverinogo stilya* [Visual Folklore. Poetics of the Scythian Animal Style]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 274 p.
- Rostovtsev, M. I. 1925. *Skifiya i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamyatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh* [Scythia and the Bosphorus. Critical Review of Literary and Archaeological Monuments]. Leningrad: Tipografiya 1-i Leningradskoi trudovoi arteli pečati. 624 s.

- Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya* [The Culture of the Population of Mountain Altai in the Scythian Time]. Moscow–Leningrad: AN SSSR. 402 p.
- Sher, Ya. A. 1980. *Petroglify Srednei i Tsentral'noi Azii* [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow: Nauka, 328 p.
- Sher, Ya. A. 1998. O vozmozhnykh istokakh skifo-sibirskogo zverinogo stilya [On the Possible Origins of the Scythian-Siberian Animal Style]. *Voprosy arkheologii Kazakhstana. 2*. Almaty–Moscow «Fylym». 218–230.
- Shternberg, L. Ya. and N. P. Obnorskii. 1902. Fallicheskii kul't [Phallic Cult]. In *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 tomakh* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 volumes]. Vol. XXXV (69). St. Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya. 266–268.
- Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriitsy* [Cimmerians]. Kiev: Naukova dumka. 233 p.
- Yatsenko, I. V. 1971. Iskusstvo skifskikh plemen Severnogo Prichernomor'ya [The Art of the Scythian Tribes of the Northern Black Sea Region] // History of the Arts of the Peoples of the USSR In *Istoriya iskusstva narodov SSSR* [History of the Arts of the Peoples of the USSR] in 9 vols., ed. by B. V. Veimarn. 1. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. 116–137.
- Yatsenko, I. V. and D. S. Raevskii. 1980. Nekotorye aspekty sostoyaniya skifskoi problemy [Some Aspects of the State of the Scythian Problem]. *Narody Azii i Afriki. 5*: 102–117.